

О криминалистических диагностических комплексах в судебной лингвистической экспертизе

К. И. Бринеv¹, М. Г. Куликова²

¹Хэнаньский университет

ул. Реньмин, 58, г. Кайфын, Китай. E-mail: brinevk@yandex.ru

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр. 13, 119991, Москва, Россия. E-mail: m.kulikova@sudexpra.ru

Авторы рассматривают существующие концепции диагностических комплексов в лингвистической экспертизе и приходят к выводу о том, что такие диагностические комплексы носят критериально-оценочный характер, и проведение экспертизы по ним сводится к вынесению юридических оценок, а не установлению фактов, которое является целью судебной экспертизы (как в процессуальном, так и в исследовательском аспекте). В статье ставится вопрос об обоснованности и корректности использования в лингвистической экспертизе криминалистических теорий. Устанавливается несоответствие диагностических комплексов в лингвистической экспертизе теории криминалистической диагностики, которая основана на научном принципе получения знания об одних фактах на основании знаний о других. Экспертная диагностика в лингвистической экспертизе, по мнению авторов, должна быть основана на знаниях о фактах и явлениях действительности, описанных в лингвистических теориях, а не на критериях оценки. Обосновывается тезис о необходимости разработки методик, которые опирались бы на такие научные теории, а не на интерпретацию лингвистических фактов в свете юридических норм.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, криминалистическая диагностика, установление фактов.

Concerning Criminalistic Diagnostic Complexes in Forensic Linguistic Expertise

K. I. Brinev¹, M. G. Kulikova²

¹Henan University

58 Renmin Avenue, Kaifeng, China. E-mail: brinevk@yandex.ru

²Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory St., bldg. 13A, Moscow, Russia. E-mail: m.kulikova@sudexpra.ru

The authors consider the existing concepts of diagnostic complexes in linguistic expertise and come to the conclusion that such diagnostic complexes are of a criterion-evaluative nature, and examinations conducted according to them are reduced to making legal evaluations, rather than establishing facts, which is the purpose of forensic examination (both in procedural and research aspects). The article raises the problem of the reasonableness and correctness of the use of criminalistic theories in linguistic expertise. It was established that there is a contradiction between diagnostic complexes in linguistic expertise and the theory of criminalistic diagnostics. The latter is founded on the scientific principle of obtaining knowledge about some facts using knowledge about other facts. In the authors' opinion, expert diagnostics in linguistic expertise should be based rather on knowledge about the facts and phenomena of reality described in linguistic theories, rather than on evaluation criteria. The authors present argument to the thesis that methods founded on linguistic theories should be developed, rather than those founded on interpreting linguistic facts in the light of legal norms.

Key words: forensic linguistic expertise, criminalistic diagnostics, establishment of the facts.

Настоящая статья посвящена обсуждению концепции криминалистических диагностических комплексов в судебной лингвистической экспертизе. Необходимость обсуждения, на наш взгляд, обусловлена неоднозначным статусом этой концепции как по отношению к лингвистической науке, так и по отношению к юридическим отраслям знания – криминалистике и теории судебной экспертизы. В этой связи, как кажется, в настоящее время равно дискуссионными

являются тезисы как о том, что данная концепция базируется на знаниях из криминалистики, так и тезис о том, что она соответствует теоретическим и прикладным представлениям о судебной экспертизе как деятельности исследовательской и процессуальной.

В статье осуществляется попытка обосновать тезис о том, что современные диагностические комплексы представляют собой вид юридической оценки, весьма косвенно связанный с описанием фактов, которое (описание фактов) и является целью судебной экспертизы как в процессуальном, так и в исследовательском аспекте этой деятельности.

Еще один важный момент, который требует обсуждения, связан с концепцией, которая противопоставляет некий криминалистический подход к судебной лингвистической экспертизе, основанный на концепции так называемых экспертных понятий, подходу собственно лингвистическому, в основе которого лежат лингвистические знания, которые используются в прикладных целях. На наш взгляд, нет никаких оснований для такого противопоставления: криминалистический подход не предполагает юридических оценок, не предполагает отбор фактов из-под юридических норм, а потому, как нам кажется, противопоставление так называемого экспертного и научного подходов – это плохо обоснованное противопоставление¹.

Начнем обсуждение со следующего наблюдения: оценочно-юридический характер этой концепции очевиден уже на уровне некоторых номинаций, которые используют ее сторонники. Большинство из них устанавливают так называемые «лингвистические признаки» пропаганды взглядов, оправдания идеологии или действий, унижения человеческого достоинства, возбуждения вражды и т. д., что представляет собой не описание, а оценку фактов. Не случайной нам кажется связь таких номинаций с юридической номинацией «признаки правонарушения / преступления». Номинация «признаки правонарушения» употребляется тогда, когда хотят сказать, что есть некоторые факты, которые после проверки могут быть оценены как запрещенные действующим законом. Аналогичным образом и в случае «лингвистических признаков унижения человеческого достоинства» или «возбуждения вражды» и т. п. предполагается ответ не на вопрос о том, какие факты имеют место, но на вопрос, запрещены ли данные факты, подпадают ли они под конкретный состав правонарушения. Это было бы точно так же, как если бы судебный медик составлял медицинские признаки убийства (оценка), но не устанавливал бы причину смерти (факт). Причина смерти – это конкретный факт, который имел место в конкретном месте в конкретное время и имел отношение к конкретному человеку, утверждение об этом факте может быть истинным или ложным, но медицинские признаки убийства – это достаточно бессмысленная оценка, потому что убийство – это юридическая оценка фактов, которая включает в себя помимо медицинского факта смерти множество других фактов, например, грубо говоря, отношение лица к тому, что оно делало.

Как правило, построение диагностических комплексов в [Кузнецов 2020; Кукушкина и др. 2011; Кукушкина и др. 2022] начинается с анализа правовых норм, в ходе которого в законодательных формулировках вычленяются «лингвистические» слова², далее составляется перечень «содержательных типов коммуникативно-речевых действий» или «значений», которые поименованы в законодательстве и запрещены. Авторы исходят из представления о том, что за «правовыми понятиями» стоят некие явления, правовая норма понимается как описывающая такие явления (вероятно, преступные по своей сути и потому запрещенные). Поскольку, по мнению авторов, возможности лингвистических теорий при описании таких явлений ограничены и не могут удовлетворить потребностей судебно-следственных органов (лингвист может только констатировать наличие призыва в тексте, не определив, является ли он призывом к террористической деятельности, а суду нужно знать, призывает ли автор к терроризму или нет), следовательно, допустимо ориентироваться не на лингвистические понятия, а на правовые, переводя их на язык специальных признаков [Кукушкина и др. 2022: 21], [Кузнецов 2020: 55]. Исходя из такой логики, авторы формируют диагностические комплексы «лингвистических признаков»³ тех явлений, которые, по их мнению, стоят за правовыми понятиями.

На наш взгляд, в таком подходе усматривается неверное представление о характере правовых норм (отсутствие понимания разницы между высказываниями-нормами и описательными высказываниями). Правовая норма, будучи деонтическим высказыванием (речевым действием, при помощи которого что-то оценивается как запрещенное или разрешенное), действительно содержит дескриптивный компонент, однако этот компонент не сводится к наименованию какого-либо явления, а представляет собой описание совокупности фактов, в отношении которых выносится оценка [Бринев 2017: 49-52]. Эта совокупность может включать такие факты, для установления которых требуются специальные познания в области лингвистики, а также факты, которые устанавливаются без применения специальных познаний или с использованием познаний в другой области. Некоторые преступления или

¹ Отметим, что критическое обсуждение теорий или концепций является одним из необходимых компонентов научного знания, именно оно обеспечивает его рост. Не менее важно оно и для нашей отрасли, потому что от качества экспертиз напрямую зависит судьба конкретных людей. Нужно только поблагодарить коллег, которые открыто публикуют свои результаты и не опасаются обсуждения своих построений, много хуже, когда такие построения закрыты для критики, что имеет место в настоящее время.

² К таким словам авторы относят наименования речевых действий («призыв», «побуждение», «угроза» и т. д.), а также иные слова, которые, с точки зрения авторов, используются в правовой норме для описания вербального поведения: «возбуждение вражды», «унижение достоинства», «реабилитация», «пропаганда» и др.

³ В некоторых случаях формируется система «лингвистических и психологических признаков». Вопрос об обоснованности привлечения психологов для проведения экспертизы текста рассматривался нами в [Бринев Куликова 2023]. В данной статье мы не будем касаться психологических признаков в диагностических комплексах, однако полагаем, что выявленные нами проблемы лингвистической диагностики актуальны и для психологической части исследования.

правонарушения могут осуществляться посредством тех или иных речевых действий или с использованием текстов определенного содержания. При этом само преступное деяние не сводимо к какому-либо типу коммуникативно-речевых действий или значений, не тождественно ему.

Из сказанного следует, что создание экспертного диагностического комплекса путем перевода правовых понятий на специальный (лингвистический) язык попросту невозможно. Диагностические комплексы, полученные путем такого «перевода», содержат совокупность признаков преступного деяния или правонарушения, а не описание какого-то фрагмента реальности. Это значит, что эксперт, работающий с таким диагностическим комплексом, будет оценивать текст как подпадающий или не подпадающий под правовую норму (а не устанавливать факты языковой действительности).

Идея создания диагностических комплексов, как кажется, заимствована из криминалистики. В работах некоторых авторов получает распространение тезис о существовании «экспертно-криминалистического подхода» в лингвистической экспертизе, который противопоставлен собственно лингвистическому подходу. В этой связи, на наш взгляд, необходимо поставить два вопроса: первый – об обоснованности использования в лингвистической экспертизе криминалистических теорий, второй – о корректности их использования.

Применение криминалистических теорий для решения лингвистических задач, полагаем, требует обсуждения и обоснования, поскольку необходимость такого применения не очевидна. Криминалисты создавали теорию и методологию для тех видов экспертиз, которые родились сразу как прикладные области и не связаны с какой-то базовой наукой. Лингвистика имеет свою теоретическую и методологическую базу (вероятно, более подходящую для решения лингвистических задач, чем то, что может предложить криминалистика). В этой связи, на наш взгляд, достаточно спорным является представление о том, что лингвистика как наука не способна быть эффективной при производстве экспертизы без своего рода «криминалистической надстройки»¹. Но, что еще более важно, криминалистика и лингвистика не противопоставлены и не противоречат друг другу, думаем, что представление о том, что они каким-то образом противопоставлены, вытекает из неверной интерпретации самого криминалистического подхода, из неверного представления о соотношении теоретического и прикладного знания. Применение как экспертно-криминалистического подхода, так и лингвистического приводит к одному результату – описанию реальной действительности, установлению фактов. В случае же если использование экспертно-криминалистического подхода не приводит к установлению фактов (как это происходит в лингвистических экспертизах), то возникает вопрос о соответствии тех концепций, которые строятся в лингвистической экспертизе с ориентацией на криминалистические теории, этим теориям (в частности, о соответствии концепции диагностических комплексов в лингвистической экспертизе теории криминалистической диагностики).

В традиционных криминалистических экспертизах системы диагностических признаков никак не предполагают создание системы критериев, не связаны с правовыми нормами и их толкованием. Теория и практика криминалистической диагностики основывается на логических принципах получения знания о конкретных фактах из общих сведений о мире: «В тех случаях, когда диагностирование осуществляется в отношении объектов или их отображений, базисом такого исследования являются научные положения криминалистики, формулируемые как “морфологическое учение о симптомах, свойствах и признаках исследуемых объектов”» [Корухов 1998: 88]. Диагностируемыми объектами являются обобщенные сведения о материальных объектах [Белкин 2001; Корухов 1998; Корухов и др. 2003]. Криминалистическая диагностика предполагает, с одной стороны, установление совокупности конкретных фактов и взаимосвязи между ними (например, при исследовании спорного объекта установлены взаимосвязанные факты а – б – с), а с другой – сопоставление этих фактов с общим знанием о тех или иных закономерностях, механизмах (например, «если признаки связаны как а – б – с, то их причиной является А» [Корухов 1998: 139]). На основании такого сопоставления делается логический вывод, что в исследуемом случае имеет место причина А.

Так, методика определения пола исполнителя рукописи по средневыработанному почерку основывается на теоретических знаниях о закономерностях проявления признаков в мужском и женском почерках. В ходе экспериментальных исследований особенностей выполнения рукописей лицами мужского и женского пола установлено, например, что наличие буквы «д» с надстрочным элементом с большей вероятностью встречается в рукописях, выполненных мужчинами, а дугообразные начальные штрихи в буквах «и», «ш», «у» – в рукописях, выполненных женщинами; для женского почерка более характерно использование простого прописного варианта выполнения букв «з», «р», а для мужчин – использование петлевых или выраженно-угловатых элементов и т. д. [Почерковедение и почерковедческая экспертиза 2014]. В результате таких исследований сформирован перечень признаков, вычислен коэффициент информативности каждого признака (коэффициент зависит от вероятности проявления признака в мужском или женском почерке) и установлена закономерность: при наличии совокупности одних признаков, рукопись с вероятностью 80, 95 или 99 процентов выполнена мужчиной; при наличии

¹ Этот тезис полностью согласуется со следующим утверждением: «За прошедшие 20 с лишним лет так и не были разработаны судебная физика, судебная биология и др. Стало очевидно, что не может быть никакой особой судебной физики, а есть использование выявленных физической наукой закономерностей и физических методов в судебно-экспертной деятельности» [Россинская 2011: 57]. Все это вполне понятно: законы физики и химии не меняются в зависимости от того, будет ли знание о них применяться в качестве посылок для вывода при производстве судебной экспертизы или для создания какого-то практически необходимого механизма или прибора. Но факты и закономерности в области фактов в языке и речи ведут себя таким же образом, они не зависят от права или от той сферы, где знание о них будет применено. Несмотря на то, что эта идея является, на наш взгляд, достаточно ясной, она остается, так сказать, непопулярной.

совокупности других признаков – женщиной, а при определенном сочетании этих признаков установить пол исполнителя рукописи не представляется возможным [Почерковедение и почерковедческая экспертиза 2014]. Эксперт-почерковед, исследуя спорную рукопись, устанавливает факты (особенности начертания тех или иных букв), сопоставляет их с имеющимся теоретическим знанием о закономерностях проявления признаков в мужском и женском почерке и делает логический вывод о поле исполнителя спорной рукописи. Диагностический комплекс в таком случае сводится к системе имплицативных высказываний: 'если имеют место признаки почерка а, б, в, то рукопись с такой-то вероятностью выполнена мужчиной'; 'если имеют место признаки почерка г, д, е, то рукопись с такой-то вероятностью выполнена женщиной' и т. д. Данные высказывания представляют собой описания фрагмента реальности и не зависят от каких-либо правовых норм. Аналогичным образом и в других видах криминалистических экспертиз знания о конкретных фактах выводятся из общих сведений о мире с использованием законов логики. Например, в трасологической экспертизе заключение об исследуемом объекте выводится логически из знаний о механизме образования следов при взаимодействии тех или иных предметов, в технико-криминалистической экспертизе документов факт изменения первоначального содержания документов устанавливается на основании общих сведений о механизмах физического воздействия на документ (подчистки, дописки, дорисовки) или воздействия химических веществ [Типовые экспертные методики 2010: 333-336]¹ и т. д. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в качестве диагностирующего объекта в криминалистических экспертизах используются знания о фактах, явлениях действительности, закономерностях. Системы диагностических признаков создаются путем получения таких знаний в ходе экспериментальных исследований, обобщений, а процесс экспертного диагностирования осуществляется путем сопоставления конкретных фактов с имеющимся общим знанием и формулирования логического вывода. Любая криминалистическая диагностическая процедура сводится к получению знания о конкретном факте из общих сведений путем логического преобразования универсального высказывания о мире в сингулярное высказывание о единичном предмете с использованием дедуктивных умозаключений. Так, универсальное высказывание о той или иной эмпирической закономерности может быть представлено в виде логической формулы с квантором общности 'для всех X верно: если для X верно А, то для X верно и В'; выведение значения о конкретном факте осуществляется по *modus ponens* 'если А, то В, и установлено, что А, следовательно В'.

Из сказанного следует, что диагностические комплексы, которые в настоящее время используются в лингвистической экспертизе и носят оценочный характер, не имеют никакого отношения к криминалистическим диагностическим комплексам и теории криминалистической диагностики в целом (которая основана на научном принципе получения знания об одних фактах на основании знаний о других).

Решение экспертной задачи в лингвистической экспертизе также предполагает определение фактических характеристик объекта на основании имеющихся знаний о явлениях, их свойствах, эмпирических закономерностях. Источником таких знаний является научная лингвистическая теория, описывающая какой-либо фрагмент реальности.

Так, например, высказывания с модальными словами «может», «хочет», «возможно», «наверное» наряду с другими средствами порождают так называемый контекст снятой утвердительности (Е. В. Падучева, Г. Вайнрих, Дж. Серль). В частности, модальные слова «возможно», «наверное», «скорее всего» употребляются тогда, когда говорящий не берет (не хочет брать) на себя ответственность за истинность высказывания. Это лингвистический факт, он описан в лингвистической литературе. Используя познания в области лингвистики, из знания того, что эти модальные слова формируют контекст снятой утвердительности, мы можем выводить сингулярные высказывания о том, что в конкретных речевых произведениях говорящий снимает с себя ответственность за истинность конкретного высказывания. К этому знанию и к этому выводу нет никакой необходимости добавлять, что данный тип высказываний является субъективным мнением говорящего, нет необходимости добавлять и то, что эти высказывания нельзя верифицировать, потому что это не более чем оценки, которые не основаны на познаниях в области лингвистики, эти оценки ничего не добавляют к установленному на основе лингвистических знаний факту: имело место речевое произведение, в котором говорящий не утверждает истинности конкретной пропозиции. Подлежат ли такие высказывания опровержению или нет – вопрос юридический, думаем, что любой судья способен самостоятельно оценить факт «говорящий не утверждает, что истинно Р» на шкале «подлежит опровержению / не подлежит опровержению».

В противоположность сказанному рассматриваемые нами концепции диагностических комплексов в лингвистической экспертизе основаны не на знаниях о фактах и явлениях действительности, а на критериях оценки

¹ Для описания общих закономерностей («диагностирующих объектов») в самих методиках зачастую используются имплицативные высказывания. Так, вид инструмента и оборудования, при помощи которого был осуществлен взлом, определяется на основании выявленной совокупности следов и знания о том, какие следы оставляет тот или иной вид инструмента или оборудования: «Если использовался газовый резак, то на взломанном металлическом хранилище образуются следующие характерные признаки: на торцевой поверхности реза – чередование зон с валиками и бороздками; ширина реза – 3-7 мм (определяется номером внутреннего мундштука резака и квалификацией сварщика); по обе стороны реза – широкие светлые полосы шириной 10-35 мм; верхние кромки реза острые, оплавленных не имеют; на нижней кромке реза – незначительные наплывы металла и шлака. В случае резания сварочной горелкой на металлическом хранилище можно обнаружить следующие характерные признаки: отсутствие участков с валиками и бороздками на торцевой поверхности резания; обильные наплывы металла и шлака на кромках разрезанного металла; кромки резов сильно оплавлены; ширина реза – 12-16 мм» и т. д. [Типовые экспертные методики 2010: 383-384].

(которые в некоторых случаях выводятся из содержания правовых норм). Процесс экспертной диагностики при таком подходе предполагает не сопоставление конкретных фактов с имеющимся общим знанием и формулирование логического вывода, а проверку спорного объекта на предмет его соответствия или несоответствия заявленным критериям и оценку этого объекта как содержащего или не содержащего признаки деяния (фактически представляя собой юридическую оценку). Эксперт-лингвист в этом случае не описывает факты (как это делает эксперт-криминалист), а принимает решение (как юрист, следователь или судья). Описание фактов и принятие решений – это две разные процедуры: первая предполагает сообщение сведений о реальности, вторая – установление норм и вынесение оценок. Диагностические комплексы, созданные на основании принятия решений, а также экспертные заключения, составленные на основании таких комплексов, не имеют отношения к описанию фактов и судебной экспертизе как деятельности по установлению фактов. Судебная экспертиза в таком случае представляет собой некую предварительную судебную инстанцию, которая оценивает спорный объект (речевое действие) на основании своих собственных критериев (отличных от правовых)¹.

Проиллюстрируем сказанное на примерах. Диагностический комплекс в лингвистической экспертизе по делам об оскорблении [Изотова и др. 2016; Кузнецов 2020] формируется на основании анализа правовых норм, путем перевода «правовых понятий» на экспертный язык. Использование в тексте статьи 5.61 КоАП РФ слова «унижение», а также использование в юридических токованиях этой статьи слов «отрицательная оценка личности», «дискредитация», «подрыв авторитета» дают основание авторам «выделить особый тип оценочного значения, для которого используется понятие «унизительная оценка лица»» [Кузнецов 2020: 74-75]. Как видим, экспертное описание «унизительная оценка лица» получено путем толкования норм (вычленения из них «лингвистических» слов), а не выведено из какой-либо лингвистической теории. По этой причине оно оценочно, а не эмпирично; процедура получения «эталонного значения» основана на субъективных решениях авторов². Далее авторами разрабатываются критерии, на основании которых то или иное высказывание будет или не будет признаваться унижительной оценкой лица. К таковым критериям относятся: 1) предмет речи: личность адресата (третьего лица) и/или его личные качества, содержательный тип высказывания: негативная оценка предмета речи; 2) выражено негативное, неуважительно-враждебное отношение к личности адресата (третьего лица), превосходство над ним, имеет место выражение статусной оценки 'ты мне не равен, ты не достоин нормальной или высокой оценки'; 3) выражена речевая цель «информирование о негативном (враждебном, неуважительном, презрительном) отношении к предмету речи, демонстрация этого отношения» [Изотова и др. 2016: 59]. Совокупность данных критериев не сводится к описанию какого-либо речевого действия или иного явления языковой реальности. Эксперт, занимающийся поиском критериев в тексте, не решает задачу, какое событие имело место, какое речевое действие было совершено, а ищет слова с негативным коннотациями, автоматически приписывает³ им цель «информирование о негативном отношении» и принимает решение. Попытка преобразовать такой диагностический комплекс в импликацию приводит к получению высказывания-нормы ('если в высказывании имеют место признаки 1), 2), 3), то оно является высказыванием со значением унижительной оценки лица'), а не описательного высказывания о фактах. Это конвенция об оценке фактов, такая конвенция не может быть истинной или ложной относительно реальной действительности.

Определение предмета экспертного исследования (какие факты, значимые для расследования преступления, могут быть установлены лингвистически) по делам об оскорблении предполагает ответ на вопрос «что происходит, какое речевое действие имеет место, когда употребляются инвективные высказывания, номинации?» и т. п. Ответ на данный вопрос, будь он задан до построения диагностического комплекса, позволил бы, во-первых, построить гипотезу о таких речевых действиях, а во-вторых, высветил бы проблему теоретического плана – отсутствие в лингвистике достаточных и удовлетворительных научных описаний инвективных речевых актов. На наш взгляд, очевидно, что оскорбительные высказывания не сводятся к унижительным негативным оценкам адресата.

Например, может иметь место такой конфликтный тип речевого поведения, как дескриптивные высказывания (утверждения о фактах, которые соответствуют действительности) с перлокутивной целью 'понижение статуса'. На наш взгляд, есть очень большая вероятность того, что такое высказывание (особенно если оно имеет неприличную форму), может быть квалифицировано юридически как оскорбление. Задача лингвиста в таком случае – описать речевое поведение, установить, что произошло, какое речевое действие имело место, независимо от того, каким образом это речевое поведение может быть квалифицировано юридически. Реализован ли в данном случае умысел на унижение чести и достоинства лица, решают юристы. При проведении экспертизы по диагностическому

¹ Любопытным следствием непонимания разницы между описанием фактов и принятием решений, а также непониманием места и роли эксперта при расследовании преступлений и правонарушений является то, что законодательные запреты на осуществление экспертами правовых квалификаций авторы расценивают как запрет на употребление «правовых слов» (см., например, о трудностях формулировки вопросов без слов «экстремистский» и «террористический» [Кукушкина и др. 2022: 28]) и пытаются решить эту проблему, заменяя одни слова на другие, не меняя при этом характера действий (то есть продолжают выносить решения (оценки) вместо описания фактов). И поскольку деятельность остается прежней, «юрицизм» в таких работах не уменьшается, возрастает, а научная обоснованность падает.

² К слову сказать, в [Кукушкина и др. 2022] «правовой термин» «унижение достоинства» используется без перевода на экспертный язык (см. ДК «Унижение человеческого достоинства») и относится к одному из «содержательных типов коммуникативно-речевых действий», что, как кажется, демонстрирует противоречивость концепции.

³ Логически вывести из текста наличие цели, указанной в методике [Изотова и др. 2016], не представляется возможным, так как экспрессивные речевые действия с иллокутивной целью репрезентатива в научной литературе не описаны [Бринев, Тюкаева 2023: 32-33].

комплексу в [Изотова и др. 2016] такое решение принимается лингвистом (через указание на отсутствие унижительной оценки лица и через проверку высказывания по тем критериям, которые получены на основании толкования норм). Появление в правоприменительной практике такого случая, когда лингвистическая квалификация по диагностическому комплексу не совпадает с юридической квалификацией, продемонстрирует несостоятельность существующего диагностического комплекса 'унижительная оценка лица' и поставит задачу по формированию нового (что в рамках сложившейся концепции, вероятно, приведет к созданию новой системы экспертных критериев).

Приведем еще пример, наглядно демонстрирующий разницу между юридической квалификацией и лингвистическим описанием фактов. Так, в теоретических исследованиях установлено, что перлокутивный эффект оскорбления может достигаться как при помощи инвективных номинаций в отношении самого адресата ('*ты гнида!*'), так и при помощи таких высказываний в отношении близких людей адресата (см., пример '*Твоя мать – гнида!*' в [Бринев, Тюкаева 2023]). Причем такой перлокутивный эффект в каком-то отношении носит конвенциональный характер. Задача эксперта-лингвиста при исследовании таких случаев – описать речевое поведение, безотносительно содержания и толкования каких-либо правовых норм. Будет ли во втором случае (при использовании инвективной номинации в отношении, например, матери адресата) реализован умысел на унижение чести и достоинства лица – устанавливают юристы.

Нормативно-оценочный характер имеют и другие диагностические комплексы. Например, ДК по делам об оправдании содержит систему критериев, на основании которых тот или иной текст признается как содержащий или не содержащий «совокупность лингвистических и психологических признаков оправдания идеологии [насилия, фашизма, нацизма, расизма, экстремизма, терроризма]» или «совокупность лингвистических и психологических признаков оправдания каких-либо действий (в том числе насильственных, разрушительных, дискриминирующих) [практики насилия; практики совершения действий, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы; террористической/экстремистской деятельности]» [Кукушкина и др. 2022: 29]. К таким критериям относятся: 1) предмет речи «идеология терроризма», «террористическая деятельность» и др., 2) положительная оценка предмета речи, 3) одна или несколько речевых целей из указанных («демонстрирование адресату своих особых взглядов, отличающихся от общепринятых, к описанным способам действия, практике, и/или убеждение адресата в правильности, допустимости предмета речи (идеологии, действий), обоснование этого, и/или информирование адресата о том, как он должен действовать») [Кукушкина и др. 2022: 73-74]. Квалифицирующий (оценочный), а не описательный характер такого диагностического комплекса, на наш взгляд, очевиден. В рамках лингвистического исследования текста может быть установлено наличие в нем положительной оценки тех или иных действий (например, поджога или взрыва). Этот факт (положительная оценка действий, выраженная в тексте) останется таковым, независимо от системы ценностей и правовых норм. Приведенный же выше диагностический комплекс предполагает решение задачи: является ли эта положительная оценка признаком оправдания насильственных действий (терроризма) или не является. Решение такой задачи сводится к квалификации деяния, которая будет различной, в зависимости от тех или иных ценностей. Предположим, имеется высказывание '*Х совершил поджог. Молодец, так держать!*'. Насколько нам известно, с позиции действующего законодательства, если Х – это Зоя Космодемьянская, то положительная оценка ее действий не является признаком оправдания терроризма, а если Х – это Шамиль Басаев, то является. Вынесение такой оценки не сводится к описанию фактов языковой реальности, к решению какой-либо лингвистической задачи и находится за пределами компетенции лингвиста.

Другие диагностические комплексы, которые используются в лингвистической экспертизе по делам об экстремизме и терроризме [Кукушкина и др. 2011; Кукушкина и др. 2022], также не основаны на научных теориях о языке, не сводимы к каким-либо описательным высказываниям о фактах, а принимаемое на их основе экспертное решение не предполагает логического выведения сведений о конкретном факте из общих научных знаний. И этому есть несколько причин. Во-первых, предмет экспертного исследования, как он формулируется в [Кукушкина и др. 2011; Кукушкина и др. 2022] (лингвистические признаки унижения достоинства / оправдания действий / возбуждения ненависти и вражды и т. д.), не соотносится с каким-либо языковым явлением, фактом. Отвечая на вопрос о том, в какой форме выражены сведения в тексте, эксперт исследует и описывает такой факт, как форма выражения сведений; если поставлен вопрос "содержится ли в высказывании речевой акт угрозы", эксперт исследует речевое поведение и выявляет наличие или отсутствие такого речевого действия, как угроза. Какие факты (речевые действия или значения) устанавливает эксперт, отвечая на вопрос о лингвистических признаках оправдания действий? Ответ, полагаем, очевиден: никакие, так как в языке не существует такого явления, как «лингвистические признаки оправдания действий» (данное утверждение справедливо и в отношении всех других «лингвистических признаков» явлений, якобы стоящих за правовыми понятиями). Во-вторых, признаки, перечисленные в диагностических комплексах, не отражают совокупности свойств какого-либо явления; содержательное наполнение диагностических комплексов представляет собой набор высказываний, включающих описание языковых фактов (например, «негативная оценка», «побуждение к действию» и т. д.), описание фактов иного, не языкового, порядка («идеология и практика насилия», «ценности общества», «устой государства» и др.), а также оценочные и оценочно-правовые формулировки («террористическая деятельность», «противоправные действия» и др.). Признаки объединены в диагностические комплексы не эмпирически, а квалификационно, то есть не по причине эмпирической взаимосвязанности фактов, а ввиду того, что это признаки преступного деяния, необходимые для правовой квалификации. В отличие, например, от тех же криминалистических диагностических описаний, где отдельные факты «комплексуются» (или систематизируются), когда устанавливается их взаимосвязанность, свидетельствующая о том,

что выявленные факты относятся к одной «причине» [Корухов 1998; Корухов и др. 2003: 52].

Следовательно, такие диагностические комплексы не описательны (каковыми они должны быть, исходя из целей экспертной деятельности, и каковыми диагностические комплексы являются в криминалистических экспертизах), а оценочны. Использование таких диагностических комплексов при проведении экспертного исследования неизбежно приводит к тому, что эксперт на определенных этапах работы вынужден принимать решения вместо описания фактов. Так, он принимает решение на сравнительном этапе исследования, когда определяет, являются ли выявленные им особенности текста лингвистическими признаками оправдания, унижения, возбуждения ненависти и вражды и т. д., а в некоторых случаях и на аналитической стадии исследования (например, устанавливая наличие в тексте такого предмета речи, как «идеология терроризма», «террористическая деятельность», квалифицируя действия или взгляды, описанные в тексте, как террористические). Обе указанные процедуры не имеют отношения к установлению фактов с использованием специальных познаний.

Следует отметить критериально-оценочный характер и тех диагностических комплексов, которые, казалось бы, не основаны на толковании норм права, а апеллируют к научным данным (например, диагностические комплексы, направленные на выявление побуждений, формы выражения информации и др.¹). Такие диагностические комплексы также не являются эмпирическими (не содержат научного описания каких-либо языковых явлений), а представляют собой систему критериев, на основании которых выносится решение, причем такая система критериев формируется произвольно (в некоторых случаях, например, она «подгоняется» под трехчастную модель²). В результате в диагностический комплекс включаются излишние, незначимые признаки (например, положительная оценка действия в ДК «побуждение к действию») или даже ошибочные (например, «негативные действия оцениваются положительно как желательные, заслуженные» в ДК «угроза совершения действий»), в то же время действительно значимые языковые факты при описании речевого поведения в диагностических комплексах не отражены или описаны неверно (например, цель «информирование» в ДК по угрозе и оскорблению вместо описания речевых актов оскорбления и угрозы и их перлокутивных целей). Использование системы критериев вместо научных описаний, как показывает практика, неизбежно приводит к ошибочным выводам при столкновении с фактами, которые не подпадают под систему критериев, или при недостаточности признаков для вынесения квалификации³.

Обсуждаемые нами диагностические комплексы не соответствуют и нормам законодательства, так как, во-первых, в некоторых случаях строятся на весьма спорном толковании материальных норм, во-вторых, противоречат процессуальному пониманию судебной экспертизы как процедуры установления фактов. Вследствие этого возникает проблема, значимая, на наш взгляд, как для конкретных судебных ситуаций (приговоров), так и для отрасли судебной лингвистической экспертизы в целом. Эта проблема заключается в том, что экспертная деятельность подменяется процедурой вынесения решений, эксперт становится некой предварительной судебной инстанцией⁴. Вместо описания фактов эксперт выносит решение, не будучи уполномочен совершать такие действия. При этом если в судебно-следственных инстанциях данная ошибка не будет замечена, то заключение эксперта будет использоваться так, как если бы оно содержало описание фактов. В результате приговор будет основан на экспертном решении. Чтобы выйти из сложившейся ситуации, по нашему мнению, необходимо отказаться от критериально-оценочных диагностических комплексов и вернуться к проблеме разработки методик, которые опирались бы на лингвистические знания и лингвистические теории, а не на интерпретацию лингвистических фактов в свете юридических норм.

Литература

Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. М., 2001. Т.2.

Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. М., 2017.

Бринев К. И., Куликова М. Г. О некоторых проблемах, связанных с производством комплексной психолого-лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности / Юрислингвистика. – 2023. – №30(41). – С. 65-70.

Бринев К. И., Тюкаева Н. И. О прагматических свойствах высказываний с оскорбительной номинацией лица (лингвистическая экспертиза и инвективное функционирование языка) / Филология и человек. – 2023. – № 4. – С. 31-48.

¹ ДК «побуждение к совершению действий» [Кукушкина и др. 2022: 66; Семантические исследования... 2018: 122]; ДК «утверждение о фактах», «оценочное суждение», «предположение», «мнение» и др. [Семантические исследования... 2018: 115-120]; ДК «угроза совершения действий» [Кукушкина и др. 2022: 82; Семантические исследования... 2018: 114] и др.

² Решение о том, что все ДК должны укладываться в трехчастную модель, на наш взгляд, также является произвольным творческим решением авторов и не выводится из описания фактов и научных теорий.

³ Динамика изменений диагностических комплексов в [Кукушкина и др. 2011] и [Кукушкина и др. 2022] свидетельствует о том, что при встрече с речевым произведением, которое используется, например, в качестве угрозы, но не подпадает под критерии, диагностический комплекс переписывается, перестраивается под новый факт. Как следствие, одно и то же речевое действие в [Кукушкина и др. 2011] и [Кукушкина и др. 2022] будет квалифицироваться по-разному. Применение научно-описательного подхода привело бы в таком случае к дополнению имеющейся теории описанием нового факта, с которым столкнулся исследователь.

⁴ Согласно процессуальному законодательству, экспертиза назначается для того, чтобы эксперт установил, что произошло, какие факты имели место, а судья соотносит установленные факты с нормой и выносит вердикт. Критериально-оценочные диагностические комплексы предполагают, что сам эксперт оценивает речевое произведение как относящееся или не относящееся к тому, что запрещено законодательством.

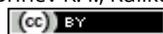
- Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова О. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М., 2016.
- Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М., 1998.
- Корухов Ю. Г., Майлис Н. П., Орлова В. Ф. Криминалистическая экспертная диагностика (Методическое пособие). М., 2003.
- Кузнецов В. О. Современные тенденции формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.12. М., 2020.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2022.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
- Почерковедение и почерковедческая экспертиза / под ред. В. В. Серегина. Волгоград, 2014.
- Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2011.
- Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и [др.]; под ред. профессора С. А. Смирновой. М., 2018.
- Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч.1 / Под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. М., 2010.

References

- Belkin, R. S. (2001). Course of criminalistics: In 3 volumes. Vol.2. Moscow (in Russian).
- Brinev, K. I. (2017). Forensic Linguistic Expertise: Methodology and Techniques: Monograph. Moscow (in Russian).
- Brinev, K. I., Kulikova, M. G. (2023). Concerning Some Issues of Comprehensive Psychological and Linguistic Expertise of Speech Products. *Legal linguistics*, 30(41), 65-70 (in Russian).
- Brinev, K. I., Tyukaeva, N. I. (2023). Concerning the pragmatic properties of statements with an offensive nomination of a person (linguistic expertise and invective functioning of language). *Philology and man*, 4, 31-48 (in Russian).
- Handwriting and handwriting expertise. (2014). V. V. Seregin (ed.). Volgograd (in Russian).
- Izotova, T. M., Kuznetsov, V. O., Plotnikova, O. M. (2016). Forensic linguistic expertise in cases of insult. Moscow (in Russian).
- Korukhov, Y. G. (1998). Criminalistic diagnostics in the investigation of crimes. Moscow (in Russian).
- Korukhov, Y. G., Mailis, N. P., Orlova, V. F. (2003). Criminalistic expert diagnostics. Methodical grant. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2011). Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Expertise of Texts in Cases Related to Countering Extremism. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2022). Methodology of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Expertise in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).
- Kuznetsov, V. O. (2020). Modern trends in the formation and development of expert concepts as an element of the language of forensic expert science. Dissertation of the Candidate of Legal Sciences Moscow (in Russian).
- Rossinskaya, E. R. (2011). Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow (in Russian).
- Semantic research in forensic linguistic expertise: a methodological guide. (2018). S. A. Smirnova (ed.). Moscow (in Russian).
- Typical expert methods for the study of physical evidence. Part 1. (2010). Y. M. Dildin (ed.). Moscow (in Russian).

Citation:

- Бринева К. И., Куликова М. Г. О криминалистических диагностических комплексах в судебной лингвистической экспертизе // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 63-70.
- Brinev K. I., Kulikova M. G. (2024) Concerning Criminalistic Diagnostic Complexes in Forensic Linguistic Expertise. *Legal Linguistics*, 34, 63-70.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License